

Старуха Лу, притворно утирая слёзы, помогала Лу Цзымину поднять Лу Чанцина, но при этом исподтишка бросала на Гао Хуэй злые взгляды. Та, полностью опозоренная, уже не решалась буянить и поспешно бросилась помогать, покорно снося тайные щипки старухи, не смея и пикнуть.

Вся семья, что явилась с грозным видом, теперь убиралась, понуро повесив головы. Деревенский староста, наблюдая за этим, лишь качал головой и поспешил разогнать зевак:

— Чего столпились? Пора расходиться! Убирайте снег у своих ворот, не лезьте в чужие дела! Лучше бы время на поле потратили, чем языками чесать!

Толпа фыркнула, но, не проронив больше ни слова, разошлась. Когда все ушли, Гао Дачжуан обратился к старосте:

— Цзи Жань ведь не пойдёт в управу? Как же тут разбираться с этим беспорядком?

— Не нужно разбираться, просто присмотрим, — вздохнул староста. — Парню нелегко, только приехал, а его уже обижают. Семья Лу — подлецы настоящие!

Вернувшись домой, семья Лу плотно закрыла ворота. Сначала они пребывали в тревоге, но по мере того как время шло, стали думать, что Цзи Жань просто блефует, чтобы их напугать. Чем больше они размышляли, тем вернее это казалось. Ведь в глазах односельчан Цзи Жань всё же часть семьи Лу. Поддай он на них в управу — кто знает, что бы люди за его спиной говорили, как бы он тогда мог в деревне жить?

С этой мыслью старуха Лу воспрянула духом. Видя, что смеркается, она велела всем заняться делами: кому работать, кому ужин готовить. Гао Хуэй с момента возвращения была на взводе, но все, казалось, забыли о происшествии, и никто не обращал на неё внимания. Потом старуха Лу, как обычно, позвала её на кухню помочь. Выражение лица свекрови, вечно язвительное и холодное, не выдавало ни радости, ни гнева, и Гао Хуэй с тревогой в сердце отправилась на кухню.

Там обе женщины занимались каждая своим делом. Старуха Лу от начала до конца молчала, не проронив ни слова. Такое молчание стало для Гао Хуэй невыносимым, и она наконец нарушила его:

— Свекровь, а Цзи Жань действительно подаст на нас в управу? Говорят, семейные ссоры не стоит выносить на люди. Он ведь явно не считает нас семьёй, раз так поступает.

— Ты ещё смеешь говорить! Всё из-за тебя, глупая! — Старуха Лу, едва сдерживая гнев, бросила на неё взгляд, острый как нож. — Старая кокетка, а своего места не знаешь, флиртуешь даже с мужем свояченицы! Довела своего мужа до побоев, всю семью опозорила! Когда обед будет готов, даже не думай есть, убирайся в свою комнату, позорница!

Гао Хуэй, ошеломлённая, покраснела.

— Свекровь, вы только и делаете, что меня ругаете. Вы забыли, что все эти грязные слухи распускает вторая невестка. Разве я флиртвала с Цзи Жанем? Что я вообще сделала? Если уж на то пошло, я — жертва. Прелюбодеяние — смертный грех, за него в воде топят. Лэн Сянлянь оклеветала меня, репутацию уничтожила. Что она задумала? Я терпела все эти дни, хотя она такие грязные слухи распускала, а теперь оказалась крайней. Если бы она не сплетничала, ничего бы не случилось. Свекровь, вместо того чтобы её ругать, вы меня вините. Неужели в ваших глазах только она — ваша невестка?

Гао Хуэй завела этот разговор, чтобы перевести стрелки на Цзи Жаня, но не ожидала, что старуха Лу поведёт себя так нелогично и быстро направит гнев на неё саму. Но даже так предвзятость свекрови в пользу Лэн Сянлянь заставила её почувствовать себя обиженной и разочарованной.

— Хм, если ты чиста, то сплетни не пристанут. Ты тут кричишь, но если бы ты была невинна, разве вторая невестка стала бы о тебе сплетничать? Разве Цзи Жань прямо указал бы на тебя? Думаешь, только ты умеешь притворяться, а другие слепы? — Старуха Лу, помешивая еду на сковородке, презрительно фыркнула. — Я знаю, что между вами ничего не было, иначе тебе бы не поздоровилось. Соверши ты что-то против морали, опозорь Чанцина — ты бы уже не сидела здесь, а давно в воде бы тонула!

— Я... — Гао Хуэй хотела возразить, но её прервала внезапно ворвавшаяся дочь Лу Ваньжу.

— Бабушка, мама, беда! Чиновники, чиновники пришли! — Лу Ваньжу, бледная и дрожащая, явно была напугана. Она хоть и уже взрослая, но молодая, неопытная, впервые столкнулась с таким — визитом чиновников. — Бабушка, мама, что нам делать? Я сюда пробралась, пока они хватают всех. Папу, старшего брата, второго дядю и тётю уже схватили, и они сюда идут!

Услышав это, обе женщины оцепенели. Они никак не ожидали, что Цзи Жань действительно вызовет чиновников, чтобы арестовать их. Узнав, что вся семья схвачена, включая беременную, старуха Лу чуть не упала в обморок, но Гао Хуэй вовремя её поддержала. Теперь им было не до ссор. Они смотрели друг на друга, их лица были не лучше, чем у Лу Ваньжу, и они совершенно растерялись.

— Свекровь, что же нам делать? — Гао Хуэй, напряжённо глядя на дверь, полностью потеряла самообладание.

— Да откуда я знаю? — Старуха Лу, нервничая, повысила голос. — Цзи Жань, этот мерзавец, действительно осмелился вызвать чиновников! Арестовать нас, вот это да! — Затем она зло посмотрела на Гао Хуэй. — И ты, и все вы, вы мне только головную боль приносите, действуете бездумно, будто мозгов у вас нет. Создаёте проблемы, а мне приходится разгребать!

Старуха Лу продолжала ругаться, но её глаза метались в поисках укрытия. Однако, прежде чем она успела спрятаться, Цзи Жань вместе с двумя чиновниками ворвался в дом.

— Ещё не началось судебное разбирательство, а вы уже собираетесь сбежать? — Цзи Жань, видя реакцию старухи, усмехнулся.

Чиновники, не говоря ни слова, схватили её и вывели из кухни.

— Бабушка! Мама! — Лу Ваньжу, увидев это, с плачем бросилась к ним, но чиновники оттолкнули её, и она чуть не упала. Цзи Жань подхватил её, но девочка не была благодарна. — Убирайся! Это всё из-за тебя! Из-за тебя! Отпусти их, отпусти мою маму, ты злодей! Я тебя ненавижу!

Цзи Жань не стал спорить с ребёнком, позволив ей бить его, но отошёл в сторону, избегая ударов. Он лишь напомнил потушить огонь в очаге и быстро вышел вслед за чиновниками. Выйдя из кухни, он собирался отправиться в управу, но увидел, что старик Лу, который должен был лежать в постели, вышел и пытался дать взятку старшему чиновнику, сунув ему в руки мешочек с деньгами.

Цзи Жань, наблюдая издали, не торопился. На его лице появилась холодная улыбка. Ещё до

похода в управу он уже всё уладил, потратив немало денег. Эти жалкие монеты чиновники даже не сочли бы за взятку.

В общем, сегодня Цзи Жань был полон решимости потратить деньги, чтобы проучить семью Лу, иначе они бы так и продолжали думать, что он — лёгкая добыча, которую можно обижать, когда захочется.

Действительно, старший чиновник, прямой и неподкупный, даже не взглянул на мешочек, лишь грозно посмотрел:

— Оказывается, тут ещё один. Взятка чиновнику — это дополнительное преступление, забирайте его!

Старик Лу чуть не выронил мешочек.

— Господин чиновник! — Цзи Жань, увидев, что пора вмешаться, подошёл и поклонился. — Старик не участвовал в этом, он просто запаниковал из-за семьи.

Чиновник, услышав это, взглянул на него и, не говоря ни слова, махнул рукой и направился к выходу.

<http://bllate.org/book/16271/1464370>